

— Да, я непременно должен вернуть это прикосновение, — с непроницаемым лицом ответил Хань Фэн.

Чу Сюэвэнь почувствовал, как его щеки загорелись, словно от прикосновения раскаленного железа.

— Тогда... хорошо, — пролепетал он едва слышно, словно писк комара.

Сказав это, он зажмурился, всем своим видом показывая: делай что хочешь.

Хань Фэн смотрел на простодушного, милого книжника: глаза плотно закрыты, лицо залито краской, ресницы, похожие на вороньи перья, слегка подрагивали. Каждое движение этих ресниц отдавалось в его сердце, словно легкое прикосновение перышка. Это незнакомое чувство щекотало нервы, заставляя его самого растеряться.

Хань Фэн закрыл глаза, глубоко вздохнул и произнес:

— Я проголодался.

Сказав это, он отвел взгляд, больше не глядя на юношу.

Чу Сюэвэнь распахнул глаза:

— Я пойду приготовлю поесть.

С этими словами он поспешно слез с кровати.

После скромного завтрака Чу Сюэвэнь собрался идти продавать свои каллиграфические работы и картины. Хань Фэн уже трижды ел одну лишь жидкую рисовую кашу с соленьями, как при такой еде можно поправить здоровье?

— Хань Фэн, я отнесу работы в книжную лавку и быстро вернусь. Ты пока отдыхай и поправляйся, — Чу Сюэвэнь заботливо подоткнул одеяло и мягко наказал ему беречь себя.

— Хорошо. Будь осторожен.

Как только Чу Сюэвэнь ушел, Хань Фэн размотал бинты. Благодаря поддержке внутренней силы раны не воспалились. С подпиткой от внутренней энергии подобные пустяковые повреждения не стоили его внимания. В прошлом, выполняя задания, какие только раны ему не приходилось получать? Травмы от холодного оружия он ни во что не ставил.

Он встал с кровати и открыл глиняный горшок, где Чу Сюэвэнь хранил провизию. Дно было пустым. Хань Фэн взял вчерашнюю ткань, которой прикрывал лицо, еще раз осмотрел комнату и вышел, плотно затворив за собой дверь.

Он попробовал сосредоточить внутреннюю энергию и совершил рывок — прыжок получился удивительно длинным. После нескольких попыток, по мере пробуждения мышечной памяти, Хань Фэн быстро вернул себе мастерское владение легкой походкой. Его силуэт молнией пронесся по деревне. Крестьяне, направлявшиеся в поле, лишь почувствовали, как что-то мелькнуло перед глазами, но, подняв головы, ничего не увидели и решили, что им просто померещилось.

Добравшись до леса, Хань Фэн сначала нашел целебные травы, чтобы обработать раны, а затем принялся осматриваться. Он обнаружил, что лес богат ресурсами, и, судя по всему, здесь редко ступала нога человека. Он достал кухонный нож и вчерашнюю одежду, которую постирал Чу Сюэвэнь. Эти вещи, изрезанные в клочья, уже не годились для носки, но вполне могли послужить узлом для сбора кореньев и овощей. Эх, дом того простофили был настолько беден, что он ничего другого не нашел.

— Неужели в этих горах есть женьшень? — пробормотал Хань Фэн, не прекращая поисков, и быстро выкопал корень.

— Сначала нужно поймать дичь, чтобы подкормить этого простачка, — прошептал он себе под нос, слегка улыбнувшись. Убрав женьшень, он внимательно оглядел лес в поисках добычи.

В глубине души он размышлял: должно быть, Чу Сюэвэнь тратил все деньги, вырученные с картин, на книги, иначе откуда такая худоба? Книги нынче дороги, многим семьям приходится отдать последнее, чтобы выучить одного книжника.

Хань Фэн уверенно шел вперед с ножом в руке, и вскоре наткнулся на заячью нору. Он бережно опустил нож, поднял несколько камней и метнул их в сторону. Зайцев много, всех сразу не съесть, поэтому не стоит убивать их всех — лучше просто оглушить.

Шух-шух-шух... После серии быстрых свистов, рассекающих воздух, пять зайцев повалились на землю.

— Превосходно! — Хань Фэн был весьма доволен состоянием своего тела. Внутренняя энергия в сочетании с обостренными чувствами наемного убийцы и его меткостью делали его невероятно сильным.

Он подобрал зайцев, связал их лианами, чтобы было удобнее нести, и продолжил путь. Его новой целью был фазан — идеальное дополнение к женьшеню. Конечно, лезть на крупного зверя он пока не собирался: раны еще не затянулись, лишнее напряжение могло заставить их открыться.

Издали он заметил дикого кабана, роющего землю в поисках пищи. Хань Фэн вскочил на дерево и про себя подумал: Ешь побольше, отъедайся, я еще вернусь за твоей жизнью.

Когда кабан ушел, Хань Фэн спустился на землю и направился в ту сторону, где, находясь на дереве, заметил фазана. Как только птица вошла в зону поражения, он с силой метнул кухонный нож. Нож вонзился в землю, отсекая голову фазана, и та замертво рухнула.

Добыв все необходимое, Хань Фэн больше не мешкал. Он не знал, сколько времени у Чу Сюэвэня занимает поход в лавку, но боялся, что если тот вернется и не найдет его дома, то расстроится. Думая об этом, он встряхнул тушку фазана, стряхивая кровь, и зашагал к подножию горы, держа птицу за лапы. Добравшись до открытой местности, он снова применил легкую походку, чтобы избежать случайных встреч с сельчанами.

Чу Сюэвэнь, как и предполагал Хань Фэн, уже вернулся, но, обыскав дом и не найдя его, сильно заволновался. Неужели его кто-то похитил? Но в комнате не было следов борьбы, значит, Хань Фэн ушел сам. Глядя на одежду и еду, купленные для него, Чу Сюэвэнь почувствовал, как к горлу подступила обида.

— Неужели нельзя было дождаться, пока раны заживут, прежде чем уходить? Или хотя бы предупредить, — ворчал Чу Сюэвэнь, словно обиженный ребенок, с горьким выражением лица.

— Сюэвэнь сердится? — раздался приятный голос.

Чу Сюэвэнь обернулся и увидел, как кто-то впрыгнул в распахнутую дверь. Это был не кто иной, как изящный и статный Хань Фэн. Чу Сюэвэнь поспешно подбежал к нему и принялся внимательно осматривать. Убедившись, что тот в порядке, он взглянул на связку дичи в руках Хань Фэна и спросил:

— Ты ходил в горы?

Он принял у него узел с овощами и с опаской потянулся к обезглавленному фазану. Хань Фэн боком прошел в комнату, положил птицу в стороне и освободил зайцев, которые все еще пытались выбраться из пут — дверь была закрыта, бежать им было некуда.

— Хань Фэн, твои раны...

— Не стоит беспокоиться, все в порядке. Я сегодня ходил собирать целебные травы, а это увидел по пути и решил захватить, — Хань Фэн прервал его тихим, глубоким голосом. — Сюэвэнь, ты ведь не сердишься?

Чу Сюэвэнь, занятый сортировкой трав и зелени, посмотрел на него. На бледном, благородном лице Хань Фэна все еще виднелись следы тяжелого ранения, отчего сердце юноши сжалось от боли.

— Я не сержусь. Просто в горах много диких зверей, Хань Фэн, лучше больше туда не ходи. Денег от моих картин нам вполне хватит на жизнь.

Серьезное, торжественное выражение лица Чу Сюэвэня вызвало у Хань Фэна странный зуд в пальцах, и он невольно протянул руку, чтобы коснуться его щеки. М-да, кожа у этого книжника на ощупь очень приятная, жаль только, что он такой худой. Не ходить в горы? Это исключено. Если он не будет охотиться, как он откормит этого простачка? Денег у него сейчас все равно ни гроша.

Чу Сюэвэнь от неожиданности вздрогнул, и ему показалось, что сердце пропустило удар. Он осторожно убрал руку Хань Фэна, покраснел до корней волос и заикаясь произнес:

— Я... я пойду поставлю воду, — и, развернувшись, убежал.

— Забавно! — этот застенчивый книжник показался Хань Фэну безумно милым.

Вскоре они уже наслаждались супом из фазана с женишенем и жареными овощами.

— Брат Сюэвэнь дома? — раздался звонкий девичий голос.

Чу Сюэвэнь бросил взгляд на Хань Фэна, увидел, что тот снова прикрыл лицо, удовлетворенно кивнул и пошел открывать дверь.

— Сестренка Сянцао, что-то случилось? — за порогом стояла девушка лет пятнадцати-шестнадцати.

— Ничего, просто зашла проведать. Слышала, брат Сюэвэнь спас кого-то, как он сейчас? — щеки Сянцао зарделись, как только она увидела Чу Сюэвэня.

— Кхм-кхм-кхм... — из глубины дома донесся мужской кашель.

Чу Сюэвэнь быстро обернулся и подбежал к Хань Фэну, обеспокоенно спрашивая:

— Хань Фэн, что с тобой?

— Все в порядке, должно быть, дверь открыта, и сквозняк слишком сильный... кхм-кхм... — ответил Хань Фэн, продолжая кашлять.

Чу Сюэвэнь поспешно вернулся к порогу и сказал Сянцао, которая во все глаза заглядывала внутрь:

— Сестренка Сянцао, видишь, он тяжело ранен, ему нельзя на ветру. Иди домой, пока мать не начала волноваться, да и мне, двоим мужчинам, неприлично оставлять девушку у себя. Ступай.

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, закрыл дверь. Правда, он забыл, что в их открытом дворе толку от этой двери — чуть.

Хань Фэн едва заметно усмехнулся: что ж, этот сорняк явно не пара его книжнику.

<http://bllate.org/book/22354/2342900>